

КОЛОНИЦКИЙ Борис Иванович / KOLONITSKII Boris

Европейский Университет в Санкт-Петербурге / European University at Saint Petersburg

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук / Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kolon@eu.spb.ru

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1916–1926?

CIVIL WARS IN THE AREA OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1916–26?

В начале XXI в. существует много поводов для того, чтобы вспомнить гражданские войны. Память о гражданских войнах в разных странах используется для политической мобилизации. Уничтожение памятников конфедератам в различных американских городах в 2017 г. стало проявлением политических противоречий в США¹. Испанское правительство в 2018 г. приняло решение о выносе останков Франко из мемориального комплекса, созданного ещё во времена диктатуры для увековечивания памяти об испанской Гражданской войне. Оппозиционные партии решительно отвергают этот план². Финляндия казалась образцом преодоления прошлого путем тщательной проработки памяти о Гражданской войне 1918 г. Исследователи полагали, что в этой стране достигнут общенациональный консенсус в понимании прошлого³. Однако, 100-летний юбилей Гражданской войны в Финляндии продемонстрировал, что эта память до сих пор может провоцировать дискуссии⁴.

100-летние юбилеи гражданских войн в Финляндии, России, Венгрии и других странах создают особый ресурс для многих акторов. Это возможность реализовать самые различные мемориальные проекты политического, культурного, коммерческого характера. Юбилей предоставляет условия для всевозможных

¹ Для людей, знакомых с политикой памяти в США такое развитие событий не стало большой неожиданностью. Существует большая литература, посвящённая памяти о войне Севера и Юга. Особенно следует выделить замечательное исследование Д. Блайта: *Blight D. Race and Reunion: the Civil War in American memory*. Cambridge (MS), 2001. См. также журналистское расследование темы: *Hornitz T. Confederates in the Attic*. New York, 1999.

² О памяти о гражданской войне в Испании см.: *Angilar P. Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. New York; Oxford, 2002 (испанское издание — 1996).

³ *Peltonen U. Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta*. Helsinki, 2003. Книга содержит краткий ее реферат на английском языке.

⁴ В 2017 году острую дискуссию вызвал проект выпуска юбилейной монеты, на которой предполагалось изобразить сцену расстрела белыми участниками финской гражданской войны их противников, красных. В конце концов заказ на выпуск монет был отменен. См.: Минфин Финляндии решил не выпускать монеты со сценой расстрела // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/world/20170426/1493179566.html> (17.11.2018).

акторов — политиков, писателей, режиссеров, музейных работников многих других. Ресурс этот — как и любой ресурс — ограничен, и его не может полностью монополизировать ни один из акторов, даже самых сильных.

Гражданская война в России начала XX в. оказала влияние на последующую историю страны. Новая политическая и экономическая система была создана для того, чтобы обеспечить победу в этой войне. Мобилизационная экономика, аппарат пропаганды, аппарат террора, аппарат организационного воздействия пережили Гражданскую войну. Стремление обеспечить поддержку этнических элит влияли на практику создания федеративного государства. Новая политическая элита выдвигалась и воспитывалась в условиях Гражданской войны, что влияло впоследствии на процесс принятия и реализации решений в кризисных ситуациях, когда использовался опыт войны.

Травма Гражданской войны, нашедшая отражение в русской литературе и в искусстве, не изжита до сих пор. Многие современники, в том числе и некоторые историки, отождествляют себя с какими-либо силами Гражданской войны. Консенсус относительно её истории в настоящее время вряд ли возможен. Это влияет на возможность политического использования / не использования памяти о революции и Гражданской войне.

Есть и другие обстоятельства, которые делают историю Гражданской войны необычайно актуальной темой. С 1648 до 1945 г. большинство войн было международными конфликтами, войнами между государствами. После этого ситуация изменилась, стали преобладать конфликты иного рода. После окончания «холодной войны» подобная тенденция только усилилась, начиная с 1989 г.: лишь 5 % войн были вооруженными конфликтами между государствами. По некоторым подсчетам, в 2015 г. в мире происходило до 40 конфликтов, которые можно было бы назвать «гражданской войной»⁵. Эти выводы можно оспаривать, ибо вопрос об определении конфликта является сложной юридической и политической проблемой, часто одна сторона заинтересована в том, чтобы представить себя участником гражданской войны, а её противник (противники) склонны описывать ситуацию иначе. От определения может зависеть международное признание той или иной стороны, размер и характер оказываемой помощи и т. д. Не всегда термин «гражданская война» используется исследователями и преподавателями при описании конфликтов прошлого.

Десятки происходящих одновременно гражданских войн, порой влияющих друг на друга, представляют сейчас глобальный вызов. Они подпитывают международный терроризм и являют собой источник гуманитарных катастроф.

⁵ Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, 2017. P. 9, 11, 12.

Попытки других государств ограничить и прекратить гражданские войны приводит порой лишь к усложнению конфликтов и их эскалации.

Неудивительно, что сейчас необычайно востребованной оказалась книга профессора Гарвардского университета Д. Эрмтейджа, посвященная появлению и развитию концепции гражданская войны. Показательно также, что специальный выпуск журнала Американской академии был посвящен гражданским войнам — тема, к сожалению, имеет немалое прикладное значение⁶.

В 1920-е и 1930-е гг. некоторые русские профессиональные военные историки полагали, что опыт Российской гражданской войны совершенно бесполезен для военного искусства — это было присуще и некоторым книгам, опубликованным в СССР, и трудам исследователей-эмигрантов. Между тем читатель XXI в. хорошо знаком с понятиями «гибридная война», «опосредованные войны» (*proxy wars*), «провалившиеся государства» (*failed states*). Было бы анахронизмом использовать указанные понятия при изучении гражданских войн начала XX в., однако история этих войн приобретает сейчас, сто лет спустя, иные смыслы.

Дискуссии о гражданских войнах часто сопровождаются «простыми» вопросами, на которые порой необычайно сложно дать короткий ответ. Споры идут даже о хронологических рамках войн. Вопрос о начале войны обычно связан с определением виновника войны, а определение даты завершения конфликта нередко переплетается с рассуждениями о причинах побед и поражений.

Порой непросто определить даже дату «обычной» войны, определить агрессора (достаточно вспомнить споры о начале Первой мировой войны и ответственности за её возникновение). Гражданская же война не сопровождается разрывом дипломатических отношений и официальным объявлением войны, здесь ещё сложнее назвать виновника конфликта.

В советской историографии особое внимание уделялось иностранной интервенции как главной причине Гражданской войны. Соответственно решающим событием считалось восстание чехословацкого корпуса в мае — июне 1918 г. Показателен заголовок соответствующей статьи в «Советской исторической энциклопедии»: «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР, 1918–20». Именно интервенции и во время «оттепели» уделялось первенствующее значение⁷.

⁶ Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 2017. Fall. Vol. 146, no. 4. Civil Wars & Global Disorders: Threats & Opportunities.

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Индра–Каракас. Стб. 45–95. О корректировке описания гражданской войны в советской историографии свидетельствует заголовки других справочников: Гражданская война и военная интервенция в России, 1918–20 // Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 3. Гражданская–Йокота. Стб. 7–22; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

Другие историки уделяют особое внимание разгону Учредительного собрания (январь 1918 г.) и / или заключению Брестского мира с Германией и её союзниками в марте 1918 г. Наконец, многие исследователи полагают, что захват власти большевиками в октябре–ноябре 1917 г. уже представлял собою гражданскую войну. Например, известный советский историк В. Д. Поликарпов привел разнообразные высказывания В. И. Ленина, которые обосновывали тезис автора о том, что гражданская война фактически началась в октябре 1917 г.: ситуацию с октября 1917 по февраль 1918 г. автор назвал «прологом» Гражданской войны (для того времени, когда публиковалась книга, это был смелый вывод)⁸.

Ещё сложнее говорить о завершении Гражданской войны. В. П. Булдаков заметил в одном из своих исследований: «... революции и гражданские войны не кончаются тем моментом, когда один из противников оказывается повержен. Последнюю точку в описании революции стоит поставить лишь тогда, когда произойдёт подобие реставрации, под покровом которой стабилизируются взаимоотношения социумов и власти между собой»⁹.

У исследователей нет единства в определении времени завершения Гражданской войны: одни называют ноябрь 1920 г., другие — март 1921 г., третьи — октябрь 1922 г., когда белые и интервенты покинули Владивосток. Такие же события, как некоторые массовые крестьянские восстания, бои в Якутии в 1923 г. и восстание в Грузии в 1924 г. чаще всего связывают уже с «мирным» периодом в истории СССР.

Повод вновь поставить некоторые «простые» вопросы по истории Гражданской войны дает книга британского исследователя Джонатана Д. Смилла: «“Российские” Гражданские войны, 1916–1926: Десять лет, которые потрясли мир»¹⁰. Почему автор избрал такие даты? Отчего слово «российские» заключено в кавычки? Почему исследователь пишет не об одной войне, а о войнах?

Само провокационное название книги вызывает желание немедленно возражать автору, спорить, даже не ознакомившись с содержанием книги. Между тем профессор Смилл вовсе не имеет репутацию исследователя, который намеренно дразнит своих коллег для того, чтобы насладиться самим эффектом интеллектуальной провокации. Смилл известен как автор обстоятельного исследования по истории Сибири в годы Гражданской войны¹¹. Немалую ценность

⁸ Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 1976.

⁹ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 257.

¹⁰ Smele J. D. The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London; New York, 2015.

¹¹ Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge; New York, 1996.

представляют и полезные библиографические и биографические издания по истории Гражданской войны, подготовленные им¹².

Автор предпочитает говорить не о «начале», а о «началах» Гражданских войн, не об одновременном «окончании», а об «окончаниях». Речь идёт о переплетении войн разного типа, с разным набором участников, имеющих разную логику развития, различную периодизацию и разную хронологию. Это переводит дискуссию о хронологических рамках и сущности гражданской войны в иную плоскость.

Смил не единственный автор, который пишет о нескольких гражданских войнах, происходивших одновременно в России. Термин «гражданские войны» — во множественном числе — использовали применительно к России и другие англоязычные авторы, это отмечает и сам Смил¹³. Одни авторы указывают на несколько социальных войн, выделяя особо активную роль крестьянства как самостоятельной силы¹⁴. Другие подчёркивают роль умеренных социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы», которая противостояла и белым, и красным¹⁵. Третьи говорят об имперском измерении Гражданской войны. Четвёртые пытаются совместить эти подходы¹⁶. И всё же Смил наиболее ярко и откровенно сформулировал идею нескольких гражданских войн, влиявших друг на друга.

В своей книге Смил уделяет гораздо больше внимания фактам, чем общим рассуждениям, но структура книги и выбор сюжетов позволяет описать концепцию автора. Большую Гражданскую войну он видит как комплекс различных войн: гражданские войны, этнические и социальные конфликты, войны за независимость и др. Для автора Гражданские войны не сводятся к противостоянию красных и белых, или красных, белых и «зелёных», или красных, белых и сторонников «третьего пути». Это множественность конфликтов, протекавших не только на территории бывшей Российской империи, но и за её пределами — в Чехословакии, Румынии, Турции, Персии, Китае (Синьцзян), Монголии, Маньчжурии. Гражданскую войну в Финляндии, разнообразные конфликты,

¹² The Russian Revolution and Civil War, 1917–1921: An Annotated Bibliography / Comp., ed. and annot. by J. D. Smele. London; New York, 2003; Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 / Comp. J. D. Smele. Vol. 1–2. Lanham (MD), 2015.

¹³ См., например: The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / Ed. by V. N. Brovkin. New Haven. 1997.

¹⁴ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 343. В некоторых отношениях такой подход продолжает и традицию описания Гражданской войны как классового конфликта.

¹⁵ Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне: демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 471.

¹⁶ Голдин В. И. 1917 год и Гражданская война в России: Осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России: сб. научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук профессора В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 255–257.

в которых участвовала получившая независимость Польша (бои с украинцами, литовцами, немцами, чехословаками), также нельзя представить без воздействия «Российских гражданских войн». Смила упоминает армяно-азербайджанскую, грузино-армянскую войны, грузино-осетинский конфликт¹⁷. Легко можно привести и много других примеров. К тому же нередко этнические, религиозные, сословные, региональные конфликты вписывались в противостояние белых, красных и социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы», которая в разных случаях имела разный характер: противоборствующие стороны в регионах искали сильных союзников, описывая свои цели с помощью их риторики и символики. Идеология основных сил, претендовавших на контроль над большей частью бывшей империи, с большей или меньшей степенью искренности и умелости часто использовалась провинциальными политиками и местными полевыми командирами, которые, впрочем, могли менять свою позицию.

Это указывает ещё на одну особенность подхода Смила: для автора важно имперское измерение конфликта, он описывает переплетающиеся войны на всём постимперском пространстве — точнее, даже на пространствах нескольких распадающихся империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской.

Чем же объяснить хронологические рамки, предложенные им? Наиболее длительной «российской гражданской войной», по мнению Смила, стали события в Туркестане. Начальной её точкой он считает восстание 1916 г., а завершающей датой большой войны в этом регионе он называет 1926 г.: тогда Туркестанский фронт, последний фронт Гражданской войны, был переименован в Среднеазиатский военный округ. Это не означало, что боевые действия в регионе завершены, но они переходили в иное качество¹⁸.

В 1916 г., как известно, в Средней Азии и Казахстане началось восстание против мобилизации местного мусульманского населения на тыловые работы. Протест против непопулярной и плохо реализуемой меры перерос в этнический конфликт, были убиты тысячи европейских поселенцев, в том числе женщин и детей. Восстание было жестоко подавлено, сотни тысяч казахов и киргизов вынуждены были в трудных условиях бежать в Китай. Точное число жертв вряд ли можно установить, но возможно, речь должна идти о сотнях тысяч людей.

После свержения монархии в 1917 г. новый вооружённый конфликт был неизбежен. Восставшим была предоставлена амнистия, они пытались вернуться на свои земли, однако их имущество оказалось захвачено европейскими поселенцами, которые были вооружены и пользовались поддержкой русских

¹⁷ *Smele J. D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926. P. 36.*

¹⁸ *Ibid. P. 234.*

гарнизонов. Между тем всеобщее избирательное право, провозглашённое Временным правительством, должно было предоставить большую власть местному мусульманскому населению. Некоторые бывшие повстанцы возглавили местную милицию. В этих условиях проблемы, присущие и другим регионам — продовольственный кризис, рост преступности, кризис власти и пр. — приобретали особую остроту, оформляя этнические и религиозные конфликты.

Первая серьёзная попытка бросить вызов власти Временного правительства в Ташкенте произошла ещё в сентябре, недостаток продовольствия существенно обострил политические, социальные и этнические противоречия, власть захватил комитет, который представлял активистов местного гарнизона и русских рабочих. Войска, посланные в край, смогли восстановить формально власть правительства, однако у них не было достаточно сил, чтобы разоружить солдат гарнизона, остававшихся опорой местных левеющих Советов и комитетов. И эта попытка переворота, и последовавшее затем установление власти Советов в Туркестане осуществлялось без «твёрдого большевистского руководства»: большевистская организация в Ташкенте была создана лишь в 1918 г. На первом этапе власть принадлежала русским социалистам, мусульманское население почти не было представлено в органах власти. Лозунг «Вся власть Советам» в Туркестане фактически означал полновластие русских Советов, а лозунг «Земля крестьянам» воспринимался как требование именно русских крестьян. Неудивительно, что хорошо информированный участник событий видный большевик Г. И. Сафаров именовал Гражданскую войну в Туркестане «колониальной революцией»¹⁹, данную работу ныне нередко вспоминают современные исследователи. Это определение, однако, нельзя принять целиком: друг с другом боролись и разные группы «колонизаторов» и «туземцев». После того как белые овладели Оренбургом, красный Туркестан был отрезан от территории, контролируемой большевистской Москвой, однако местные радикальные социалисты смогли сохранить власть, сочетая необычайно жестокое подавление противника с политическим лавированием. Вчерашние враги нередко становились новыми союзниками (нередко временными), а бывшие друзья превращались в опасных врагов. Противниками красного Ташкента в сложившейся ситуации были не только белые, но и местные повстанцы из числа мусульман (в особенности после жестокого подавления Кокандской автономии), и казаки, а с какого-то времени и русские крестьяне, выступавшие против реквизиций продовольствия большевиками. При этом на разных этапах важную роль играли сравнительно небольшие, но организованные и боевые группы, для которых союз с большевиками

¹⁹ Сафаров Г. И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М., 1921.

казался единственным шансом на выживание. Среди них исследователи выделяют вооруженные отряды армян и военнопленных (венгров, австрийцев, немцев), которые не могли вернуться домой из-за гражданской войны²⁰.

Книга Смила отражает и иные тенденции развития современной историографии. Как отмечалось выше, некоторые российские авторы также говорят о нескольких гражданских войнах, происходивших одновременно. Немало внимания уделяют исследователи разных стран имперскому измерению Гражданской войны²¹. В то же время многие историки предлагают смотреть на большие проблемы Гражданской войны, тщательно изучая особую расстановку политических сил и динамику развития военно-политических конфликтов в отдельных регионах. Благодаря усилиям исследователей мы сейчас представляем насколько разнообразной была ситуация на постимперском пространстве, можно говорить о своеобразном «калейдоскопе» революций²². Ситуация Туркестана была по-своему уникальной, но Гражданская война протекала по-особому во многих регионах, комбинации конфликтов там весьма отличались.

Простым кажется вопрос об исходе Гражданской войны: в конце концов красные победили белых. Но не только красные оказались победителями в начале 1920-х. На территории постимперского пространства свои различные проекты государственного строительства реализовали Финляндия, Польша, Литва, Эстония, Латвия, Румыния и, отчасти Турция. Причём в случае Польши, Литвы и Румынии речь шла о борьбе на пространствах нескольких империй. Часто это была борьба против Красной армии, которая участвовала в конфликтах прямо или / и косвенно, но Турция и Литва порой действовали совместно, противостоя другим государствам.

И не только белые могут считаться проигравшими. Поражения потерпели и представители т. н. третьей силы, и т. н. зелёные, и правительства некоторых национальных движений, пытавшихся получить независимость.

Можем ли мы считать без оговорок победителями красных? Ответ на этот вопрос также требует уточнения. Важным элементом Гражданской войны была порой война красных против красных. Нередко большую проблему

²⁰ О Гражданской войне в Средней Азии см., например: *Буттино М.* «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. См. также: *Buttino M.* *Central Asia (1916–20) // The Empire and Nationalism at War / Ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen.* Bloomington (Indiana), 2014. P. 109–136.

²¹ *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²² *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 1. Russia's Revolution in Regional Perspective / Ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish.* Bloomington (Indiana), 2015. Некоторые рецензенты упрекали Дж. Смила за недостаток внимания к «новой имперской истории». См. рецензию И. Саблина (*Ab Imperio*. 2017. No. 1. P. 402–406). Однако, интерес к книге Смила со стороны работающих в рамках такого подхода исследователей показателен, в некоторых отношениях их позиции близки.

для большевиков представляли восстания под «советскими» или даже под «большевистскими» лозунгами: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!», «Долой Троцкого, да здравствует Ленин!». Ещё большую опасность для Москвы представляли восстания Красной армии и Красного флота. Кронштадское восстание 1921 г., начавшееся под лозунгами «Третьей революции», являет собой наиболее известный, но далеко не единственный пример такого рода военно-политического конфликта различных сторонников красного Октября.

Каковы возможности подхода, представленного в книге Дж. Смита и работах других авторов? Любой исследовательский подход заведомо ограничен, в науке не бывает универсальных методологических отмычек, ключей, пригодных для решения всех проблем. Поэтому и этот подход имеет ограниченное применение. Все же вряд ли от него стоит отказываться.

Как уже отмечалось, он соответствует некоторым важным современным исследовательским трендам. Можно было бы добавить, что стремление посмотреть на «большую» Гражданскую войну через тщательное изучение истории регионов, созвучно этому подходу. Сравнительное изучение офицерского корпуса противостоящих друг другу сил — не только белых и красных — также подталкивает к сравнительному изучению разнообразных конфликтов²³. О многообразии локальных войн свидетельствует и исследование роли всевозможных «полевых командиров»²⁴.

К тому же идея нескольких гражданских войн необычайно важна для символической политики, пытающейся оказывать воздействие на социальные представления о прошлом и на культурную память. И российскому обществу, и жителям государств, ранее входивших в Российскую империю, важно понять, что Гражданская война не была только борьбой белых и красных.

Понимание российской Гражданской войны как комплекса войн важно и в другом отношении. Утопичным было бы считать, что в ближайшее время человечеству удастся избавиться от гражданских войн, поэтому задача их ограничения и завершения становится всё более актуальной. Для её решения требуются междисциплинарные исследования гражданских войн. И изучение

²³ Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 9–152.

²⁴ От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты: Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. М., 2014. См. также: Крестьянский фронт, 1918–1922 гг.: Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. Общие выводы на основе этих публикаций см.: Посадский А. В. Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций, 1914–1922: (Материалы международного colloquium, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 175–184.

«Российской гражданской войны» как многоуровневого сложного конфликта приобретает сейчас особое значение.

Список литературы

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 854 с.

Булдаков, В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : Росспэн, 1997. — 373 с.

Буттино, М. Революция наоборот : Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / М. Буттино. — Москва : Звенья, 2007. — 446 с.

Ганин, А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны / А. В. Ганин. — Москва : Пятый Рим 2018. — 860 с.

Голдин, В. И. 1917 год и гражданская война в России: Осмысление спустя столетие / В. И. Голдин // Личность, общество и власть в истории России : сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук профессора В. И. Шишкина. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. — С. 241–259.

Крестьянский фронт, 1918–1922 гг. : сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — 739 с.

Осипова, Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. — Москва : Стрелец, 2001. — 397 с.

От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожачков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО-XXI, 2014. — 621 с.

Поликарпов, В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918) / В. Д. Поликарпов. — Москва : Наука, 1976. — 415 с.

Посадский, А. В. Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования / А. В. Посадский // Эпоха войн и революций, 1914–1922 : (Материалы международного colloquium, 9–11 июня 2016 года). — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2017. — С. 175–184.

Прайсман, Л. Г. Третий путь в Гражданской войне: Демократическая революция 1918 года на Волге / Л. Г. Прайсман. — Санкт-Петербург : Издательство им. Н. И. Новикова, 2015. — 530 с.

Armitage, D. Civil Wars: A History in Ideas / D. Armitage. — New York : Alfred A. Knopf. — 349 p.

Augilar, P. *Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy* / P. Augilar. — New York ; Oxford : Bersham Books, 2002. — 330 p.

Blight, D. *Race and Reunion: the Civil War in American memory* / D. Blight. — Cambridge (MS) ; London : Belknap press of Harvard university press, 2002. — 512 p.

Buttino, M. *Central Asia (1916–20): A Kaleidoscope of Local Revolutions and the Building of the Bolshevik Order* / M. Buttino // *The Empire and Nationalism at War* / ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov and M. von Hagen. — Bloomington : Slavica, 2014. — P. 109–136.

Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 / comp. J. D. Smele. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers 2015. — Vol. 1–2. — 1419 p.

Horwitz, T. *Confederates in the Attic* / T. Horwitz. — New York : Vintage Books, 1999. — 406 p.

Peltonen, U. *Muistin Paikat : vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta* / U. Peltonen. — Helsinki : SKS, 2003. — 330 s.

Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922. — Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective / ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. — Bloomington (Indiana) : Slavica Publishers, 2015. — 404 p.

Sablin, I. [Review of: Smele, J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926 : Ten Years that Shook the World* / J. D. Smele. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2015. — 423 p.] / I. Sablin // *Ab Imperio*. — 2017. — No. 1. — P. 402–406.

Smele, J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920* / J. D. Smele. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1996. — 759 p.

Smele, J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World* / J. D. Smele. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2015. — 423 p.

The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / ed. by V. N. Brovkin. — New Haven : Yale University Press, 1997. — 333 p.

The Russian Revolution and Civil War, 1917–1921 : An Annotated Bibliography / compiled, edited and annotated by J. D. Smele. — London ; New York : Continuum, 2003. — 625 p.